

*Эта книга посвящается
ведьмам настоящего и прошлого,
тем, кто прячется от мира,
и тем, кто открыто творит магию.*

Если вы погуглите мое имя — я делаю это каждый вторник, потому что эта прихоть поднимает мою самооценку, а я стараюсь давать волю своим прихотям согласно строгому расписанию, — первые двадцать сайтов в выдаче будут посвящены повешению Сары Эмерсон Вилди в 1692 году в городе Салем, штат Массачусетс.

Угадайте, почему?

Если вы пролистаете три страницы, то найдете меня — Эмерсон Вилди. Не ту несчастную казненную женщину, которую религиозные фанатики напрасно обвинили в колдовстве и повесили, а владелицу книжного магазина и президента местной торговой палаты. Не хочу хвастаться, но я — самый молодой президент торговой палаты города Сант-Киприан штата Миссури.

Мужчин в наши дни поощряют приукрашивать правду, но если правду говорит женщина, то ее считают чересчур уверенной в себе — и в этом случае «уверенность в себе» это вовсе не комплимент.

Если вы не станете тратить время на просмотр постановки пьесы «Суровое испытание» Артура Миллера про салемских ведьм и не удостоите вниманием грустные видео разочарованных в жизни густо накрашенных подростков на YouTube, вы увидите ролик о том, как за последние пять лет я способствовала обновлению нашего небольшого городка Сант-Киприан и помогла привнести в его жизнь десять новых сфер деятельности. Вы прочтете о международном Рождественском фестивале, который благодаря моим усилиям и самоотверженности привлекает, как вы уже догадались, людей со

.....

всего мира. И о тех многих вещах, которые я каждый день делаю для поддержки горячо любимого мною города.

И я горжусь тем, что ежедневно вношу свой вклад в его развитие.

В отличие от большинства людей, которые читают лишь о суде над ведьмой Сарой, я знаю о ней все. Я изучила историю Сары еще в четвертом классе, когда готовила о ней презентацию для школьного урока.

Мои сверстники предпочитали слушать наглые и неправдоподобные заявления нашего одноклассника Скипа Саймона о том, что он является потомком известного преступника Джесси Джеймса, но я не из таких. Изучение биографии Сары изменило мою жизнь. Правда в том, что Сара была яростной феминисткой, которая хотела жить по своим правилам. Она не шла ни на какие уступки и не хотела играть роль порядочной пуританки, а в итоге стала представлять угрозу для власти имущих своего времени. Она заявила о собственных жизненных правилах, трубила о независимости на каждом углу, и в итоге ее казнили.

Сара была не просто трагедийной фигурой. Она также была мученицей, но не хотела, чтобы ее считали ни той, ни другой.

Оглядываясь назад, я понимаю, что, будучи в четвертом классе и с такой учительницей, как миссис Тимкинс, я со своим докладом перегнула палку.

Однако с той поры Сара стала для меня путеводной звездой. Я горжусь тем, что среди моих предков была настолько исключительная, неудержимая женщина. Если быть точной, Сара — моя прабабушка в девятом поколении. Я всегда считала, что обязана своему роду, да и самой Саре, быть сильной, независимой женщиной и не позволять патриархальным традициям и чему-то в этом духе сковывать мою личную свободу.

— И я не позволяю, — смело заявляю я притихшим родственникам, когда мы собираемся утром на кухне в нашем родовом доме.

Сейчас март, вторник, и у меня есть планы. У меня всегда какие-то планы. Но на сей раз они слишком эпикальные даже для меня. Сейчас пуритан уже не существует, и правду о женщине рассказывать некому, но у меня свой вызов, брошенный мне жизнью.

Я пришла в этот мир для того, чтобы сделать Сант-Киприан лучше.

Не смейтесь. Невозможно изменить мир к лучшему, если ты не можешь изменить к лучшему собственный газон на заднем дворе. И вот сегодня я намерена сделать и то, и другое.

Со времен моего первого проекта для сообщества Сант-Киприан, который я сделала во втором классе школы, я вложила всю душу в это чудесное сокровище, стоящее на берегу реки, — в городок, в котором всем нам посчастливилось жить, и в магазины, что выстроились вдоль мощеных улиц, один из которых мой собственный независимый книжный магазин.

Я сделала это во имя всех женщин, что жили до меня и которым не разрешалось делать ничего подобного. И во имя тех женщин, что пытались проложить собственный путь в жизни, за что общество их отвергло.

Ура! Можно триумфально воздеть руки к небу.

Что я и делаю, стоя у себя на кухне. Но есть еще кое-что, что бодрит девушку так же, как победный жест, — это чашка кофе. С сахаром. Соединив все три ингредиента для бодрости духа, я готова начать новый день.

Но сперва мне надо встретиться со своей соседкой по дому.

Моя соседка, она же лучшая подруга Джорджия Пенделл, выросла в покосившемся старом доме по соседству с моим, но переехала ко мне, когда «устала от

жизни со своими родителями» — это ее полные драматизма слова, не мои. Она живет здесь уже пять лет и со временем заняла весь третий этаж и даже одну из спален которую, как я предполагала, она должна была превратить в рабочий кабинет, но вместо этого она сделала там библиотеку.

Я содрогаюсь при виде комнаты, которую Джорджия называет библиотекой. Она наводнила ее книгами, выстроенными в шаткие башни, и не позволяет мне там прибраться. В последний раз, когда я пыталась зайти в комнату, дверь едва приотворилась, ударившись об очередную стопку книг.

Но Джорджия настаивает, что все именно так и задумывалось.

Ну да ладно. Дом семьи Вилди достаточно просторный, и мы с подругой живем в нем с комфортом. Он даже больше, чем нам нужно. Мои родители уехали в Европу, где ведут гламурную жизнь, а моя сестра сбежала в неизвестном направлении сразу после выпускного. После этого дом показался мне слишком большим. С разницей в год Сант-Киприан покинули мои родители, а потом и сестра. Это сбilo меня с толку, но как всегда я взяла себя в руки. Ребекка, моя сестра, всегда стремилась к свободе. А мои родители... Что ж, городок у нас маленький, а они хотели иметь больше социальных возможностей, поэтому и уехали так далеко, как только могли — в Европу. А у меня был мой город. И друзья. Я привыкла жить в нашем историческом районе с моей бабушкой. Но несколько лет назад она умерла, и я осталась одна. Какое-то время дом казался мне зловещим, скрипящим половицами существом, который вскоре проглотит меня с потрохами. Было ощущение, будто зимний мороз просачивается внутрь и не дает мне согреться. Коридоры стали слишком длинными, а свет ламп — слишком тусклым.

А может быть, я просто горевала. Оплакивала потере бабушки и разлуку со своей семьей, у каждого члена которой были свои причины, чтобы удрать из нашего старого дома. У моей сестры Ребекки вообще вечно были какие-то причины, которые она не считала нужным выражать словами. Родители вернулись лишь на бабушкины похороны, а потом снова поспешно уехали в Европу на поиски приключений.

Какое-то время мне здесь было не по себе. Так что я вздохнула с облегчением, когда моя позитивная эксцентричная лучшая подруга наконец переехала ко мне.

У нас были некоторые бытовые неурядицы, связанные с ее переездом, но благодаря ей мне стало казаться, что, поскрипывая по утрам, половицы старого дома Вилди поют мне песню, и вообще мне уже не было так одиноко.

Я не позволяю себе чувствовать одиночество. Прогоняю это ощущение всякий раз, как оно появляется, как прогоняют назойливую муху. Потому что чувствовать одиночество — все равно что предавать всех женщин Вилди, живших до меня, а я не хочу быть разочарованием нашего рода.

Теперь я — хранитель нашего исторически ценного дома, который принадлежал семье Вилди почти три сотни лет с тех пор, как первый предок, носящий нашу фамилию, принял правильное решение, перебравшись из дальнего колониального поселения в Массачусетсе в эту часть штата Миссури, где встречаются две великие реки: Миссисипи и Миссури. Я люблю размышлять о том, что здесь сплетаются глубокие корни моей семьи, как сплетаются воедино две реки. Мне нравится этот дом с высокими потолками, неровными полами и комнатами причудливой формы. И мне нравится его месторасположение — у самого начала главной улицы, словно он отмечает это место точкой на карте.

И еще мне очень нравится, что моя лучшая подруга всегда рядом со мной.

Но прежде чем я пойду открывать свой книжный «Слияние рек», мне нужно попросить Джорджию прийти на официальную встречу друзей сегодня вечером. Я молодая, амбициозная, независимая женщина, стоящая во главе торговой палаты самого очаровательного города штата Миссури — а значит, и всей Америки — и у меня много задач. Я сильный лидер и знаю, когда мне лучше посоветоваться с друзьями по поводу их решения. Мои друзья первые, к кому я обращаюсь, если мне нужна помощь.

Это не из-за одиночества. Даже если бы члены моей семьи не разъехались, я все равно ставила бы своих друзей на первое место. Но теперь друзья и есть моя семья. Я осталась здесь, а мои родные уехали, но я продолжаю убеждать себя, что это они — белые вороны, а со мной как раз все в порядке. То, что они не могут даже нормально со мной общаться — Ребекка вообще не пишет и не звонит, а родители присылают лишь короткие сообщения, это их проблемы, а не мои. Им же хуже.

А мои друзья остались здесь. Они любят Сант-Киприан и любили мою бабушку. И я люблю их так же, как этот город.

Мы все время видимся, но я также частенько созываю их на официальные собрания, чтобы мы могли быстро и эффективно решать насущные вопросы.

Я спешу к узкой винтовой лестнице, что поднимается в башню дома. Я никогда не любила эту часть дома — от нее так и веет сказками о принцессах и постыдно-романтических вещах, которым не место в жизни практичной независимой женщины. Но именно эта часть дома подходит Джорджии как никакая другая. Словно для нее и была построена.

У подножия лестницы стоит толстая балясина в виде ухмыляющегося дракона — зачем нужны подобные украшения? У Вилди никогда не было никаких причуд. Будь у нас герб, мы бы высекли на нем слова «прагматизм» и «спокойная решительность», но мы живем на Среднем Западе, и наличие герба — это перебор.

Ухмыляясь, дракон смотрит на меня так, словно знает нечто мне не ведомое.

— Вряд ли, — говорю я дракону и прикрываю глаза рукой, устыдившись собственных слов.

В моей жизни нет места глупым разговорам с неодушевленными предметами. Особенно с драконом. Странноватым драконом, сидящим у изножья лестницы с таким видом, словно он стережет дом.

— А ну прекрати, — ворчу я себе под нос, отчасти обращаясь к дракону, и спешу наверх.

Я поднимаюсь на третий этаж, прохожу мимо комнаты, из которой Джорджия сделала библиотеку. Как же хочется пролезть внутрь и навести там хоть какой-то порядок! Но иногда уважение к личному пространству подруги должно перевешивать естественное желание систематизировать книги, поставив их на стеллажи. Дверь в комнату Джорджии в конце коридора распахнута настежь; она сидит на деревянном дощатом полу, повернувшись к огромным, почти во всю стену, окнам башни. В распахнутые ставни влетает прохладный весенний ветер, и Джорджия сидит, подставив лицо солнцу.

Ее кудрявые рыжие волосы развеваются на ветру, а браслеты на запястье издают целую симфонию металлических звуков. Она считает себя отчасти хиппи, отчасти просто девушкой, свободной духом.

Корни семьи Джорджии уходят в пуританское сообщество штата Массачусетс, которое участвовало в судах над ведьмами, но в отличие от меня она увлекается всей

этой магической белибердой. Чтобы меня позлить, она делает вид, будто у нее есть какие-то сверхъестественные способности, но больше всего ей нравятся магические атрибуты.

Торжественным голосом она заявляет, что разбирается в кристаллах и умеет сжигать веники из шалфея. Еще она разговаривает со своим котом, как будто он ее понимает, и интерпретирует его мяуканье так, словно знает его язык. И она безапелляционно утверждает, что Элоуин, одна из наших лучших подруг, может заваривать чай, который лечит и простуду, и разбитое сердце, и может наложить проклятие на слабовольного мужчину.

Но есть нечто уютное в том, как Джорджия всем сердцем верит в глупые ритуалы. На сей раз она разложила вокруг себя разноцветные кристаллы, озаренные утренним солнечным светом.

Я стою в дверном проеме и жду, пока она поднимется и соберет свои кристаллы — единственное ее имущество, которое она содержит в некоем подобии порядка. Раньше я помогала ей собирать камни после ритуала, но она заявила, что я кладу кварц рядом с малахитом, а каждый знает, что так делать нельзя. И что красные и синие камни не стоит выкладывать по средам, и это должно быть очевидно каждому. В конце концов я сдаюсь.

Порой приходится крепко стискивать руки в карманах, чтобы удержаться от желания снова ей помочь.

— Что привело тебя в мое логово так рано поутру? — спрашивает Джорджия, не глядя на меня. Она пытается сделать вид, будто предвидела мое появление, но скорее всего она просто слышала, как в коридоре скрипнула под моими ногами половица.

Она шевелит пальцами в воздухе, и в тот же момент подвешенные на окно ветряные колокольчики начина-